

— С возвращением. Я звонила вам, но вы не ответили, — встретила его тётушка Шу. — Внутри пожилой господин, представился вашим дедушкой.

Она бросила взгляд на незнакомца у входа и, шагнув ближе, понизила голос:

— А этот пришёл с ним. Упёрся, твердит, что останется ждать у дверей. Может, вызвать охрану?

Ши Янь жестом дал понять, что всё в порядке, отпустил её с работы и быстро прошёл в гостиную. Незнакомец почтительно наклонил голову и бесшумно прикрыл за ним дверь.

В конце прихожей Ши Янь замер. В просторной гостиной спиной к нему стоял пожилой человек в костюме-суньятсеновке и разглядывал висевшую на стене огромную картину маслом.

Заслышав смолкшие шаги, старик даже не повернулся.

Воздух в комнате будто застыл; тяжёлая, давящая тишина сковывала каждое движение. Ши Янь уже хотел окликнуть его, но вовремя вспомнил, как Вэнь Жун в порыве ярости запретил когда-либо называть его дедушкой.

Пришлось проглотить заготовленное обращение.

— Зачем вы пришли? — сухо спросил он.

Старик наконец развернулся. Они не виделись слишком долго: волосы Вэнь Жуна совсем побелели, а каждая морщина на его лице казалась чужой.

— Где ты был? — вместо ответа спросил тот.

— На совещании в «Wander».

Вэнь Жун впился в него пронзительным, испытывающим взглядом, точно пытался распознать ложь. Ши Янь так и остался стоять у входа; разделённые пространством гостиной, они молча смотрели друг другу в глаза.

— Этот... с фамилией Су вернулся, — процедил старик.

Вэнь Жун хмыкнул и направился к нему. Старик заметно прихрамывал, однако держал осанку безупречно прямой.

Поравнявшись с Ши Янем, он замедлил шаг и, наклонившись к его уху, с угрозой произнёс:

— Мне плевать, что у тебя на уме. Сделай так, чтобы он выбросил эту дурь из головы. Навсегда.

Ши Янь сжал пальцами край консольного столика. Должно быть, именно из-за этого Вэнь Жун и переступил порог его дома.

— Я со всем разберусь, — опустил он взгляд. — Не беспокойтесь.

— Если бы ты действительно всё понимал, мне не пришлось бы тащиться сюда, — отрезал старик и прошёл мимо. — Я стар, но не глух и не слеп. Не подбрасывай «Хэнши» ему ресурсы все эти годы, он давно подох бы с голоду.

Голос звучал всё дальше, но Ши Янь отчётливо слышал каждое слово:

— Заведи себе кого угодно. Мужчину, женщину, да хоть кошку или собаку — мне без разницы. Запомни одно: с ним этому не бывать.

Бросив эти слова, Вэнь Жун ушёл не оборачиваясь.

Когда его фигура скрылась за дверью, Ши Янь прошёл в столовую и сквозь панорамное окно проводил взглядом старого деда. Тот сел в представительский седан с элитными номерами, припаркованный у обочины. Ши Янь смотрел вслед, пока машина не скрылась за воротами коттеджного посёлка.

На обеденном столе стояло два прибора: костяной фарфор с холодно мерцающей золотой каёмкой на противоположных концах длинного стола. К остывшей еде Ши Янь даже не прикоснулся. Взяв бутылку белого вина и ведёрко со льдом, в которое был вставлен бокал, он спустился в цокольный этаж.

Преодолев две массивные двери, он шагнул в тёмную комнату. Натянутые под потолком нити переплетались в затейливую паутину. От движения двери с пола поднялась лёгкая пыль; ряды фотографий, зажатых бельевыми прищепками, заколыхались, закружились в полумраке, напоминая призрачные тени.

Посреди помещения стояло широкое кожаное кресло-шезлонг. Ши Янь едва коснулся спинки — пальцы ощутили тонкий слой пыли. Опустив руку на подлокотник, он медленно, позвонок за позвонком, погрузился в кресло.

Сквозь трещины на потрескавшейся коже проглядывал поролон; в нос ударил спёртый запах запустения. Ши Янь застыл, скованный усталостью, будто забился в сброшенный когда-то панцирь. Вся та слабость и трусость, от которых он с таким трудом избавился, с новой силой

хлынули внутрь, отравляя разум.

Он схватил бокал и наобум наполнил его льдом и вином. Руки дрожали, и часть алкоголя пролилась на коврик, но ему было плевать. Он осушил бокал одним махом и тут же налил снова.

Откинувшись на спинку и запрокинув голову, Ши Янь вглядывался в темноту. Сквозь щели двух дверей пробивался слабый свет, позволявший разглядеть висящие над головой снимки. На одном из них юноша держал в руках кремовый торт и счастливо улыбался. В самый край кадра попало чужое плечо.

«Брат Янь, ты встал слишком далеко! Ты даже в кадр не влезаешь!»

Фокус сместился на крошечную родинку-слезинку под глазом, и черты юношеского лица на снимке словно приблизились, стали четче.

Он взглянул на экран телефона, потом на Ши Яня, который совершенно не желал позировать, и вздохнул с уступчивым смирением:

«Ладно-ладно, хотя бы плечо поместилось!»

«Тогда я задуваю свечи!»

В центр торта были воткнуты три тонкие разноцветные свечки. Их было всего три, но он тщательно пересчитал каждую и заявил:

«Значит, у меня есть целых три желания!»

Затем покрутил головой:

«Да ну, загадывать желания бессмысленно, боги всё равно мне не отвечают. Давай так! Я задам три вопроса, а ты, брат Янь, ответишь. Это и будет исполнением моих трёх желаний».

«Вопрос первый...»

Он задул одну свечу, ловко зачерпнул пальцем крем и провёл по губам Ши Яня, оставив длинные белые «усы».

«Торт вкусный?»

Ши Янь невозмутимо счистил крем вилкой, попробовал и сухоvalo ответил:

— Слишком сладкий.

Тот рассмеялся и наклонился ко второй свече:

«Следующий вопрос».

«Брат Янь, тебе ведь нравятся парни, правда?»

Он отбросил ребячество и серьёзно посмотрел на Ши Яня. Ши Янь мгновение помолчал, затем кивнул.

«Тогда...»

Он даже забыл задуть следующую свечу. Дрожащий огонёк отразился в его длинных ресницах и затрепетал на дне тёмных глаз.

«Тебе нравлюсь я?»

Резкая, скручивающая боль прошла внутренности. Бутылка вина — где отпитого, где пролитого — оказалась пуста.

Ши Яня всё ещё мучила дикая жажда, но воды поблизости не было. Руки и ноги занемели, не слушались. В бокале оставалось лишь пару капель, и его взгляд упал на ведёрко со льдом, где плавали нерастаявшие кубики.

Он выгреб их и стал судорожно разжёвывать один за другим. Губы и язык зашлись от холода, потеряли чувствительность, но от этого боль в теле проявилась ещё отчётливее. Это горел спазмом желудок.

Сжав рукой живот, он достал телефон и отправил сообщение Цзян Икуо:

«В среду свободен?»

— Да, вполне, сестра Райла.

Когда Райла позвонила уточнить график Хэ Мина, тот сидел с Фу Синчжи в недавно

открывшемся баре.

— Хорошо, спасибо.

Завершив вызов, Фу Синчжи поинтересовался:

— Райла? Секретарша Ши Яня?

— Угу. Я тут как-то подбросил президента Ши, и он решил отблагодарить меня ужином, — срезал Хэ Мин возможные расспросы, уместив всю предысторию в одно предложение.

— Ты что, лично мчал его на машине от самого Хэйлунцзяна до Хайнаня? — не унимался Фу Синчжи. — Опустим вопрос, каким чудом Ши Янь вообще уселся к тебе в салон. Но зная его замашки, после такой поездки он должен был процедить что-то в духе: «Тебе выпала честь ехать со мной по одной дороге, так что не раскатывай губу». А тут — личное приглашение на ужин?

Хэ Мин усмехнулся. Стереотипы Фу Синчжи насчёт Ши Яня сложились ещё при первой их встрече и с тех пор въелись намертво.

Тогда они оба только окончили университет и устроились рядовыми сотрудниками в крупное рекламное агентство, попав в команду, обслуживающую группу компаний «Хэнши».

В один из дней Хэ Мин сидел над рекламным буклетом, сверяя каталог продукции, когда к нему подскочил Фу Синчжи:

— Бросай всё, бегом вниз!

— Подожди, я ещё не закончил.

— Да сдались тебе эти таблицы! Там Ши Янь приехал! Живьём! — И, опасаясь, что тот не поймёт, о ком речь, добавил: — Тот самый Ши! Наследник «Хэнши», вокруг которого арт-директор на планерке велел нам плясать на цыпочках. Он решил лично курировать линейку готовых обедов и прямо сейчас стоит в холле!

Услышав имя «Ши Янь», Хэ Мин мгновенно потерял нить разговора. Все последующие объяснения пролетели мимо ушей. Он лишь хлопал глазами, уставившись в монитор:

— А?

— Да иди за мной, сам увидишь!

Фу Синчжи выудил эту новость из рабочего чата флуда. К сообщению прилагался снимок: Ши Янь входит в здание в окружении ассистентов и руководства агентства. Его лицо получилось неожиданно чётким на фоне остальных — у него от природы имелся редкий дар притягивать к себе всё внимание кадра.

Они с Фу Синчжи сходились ещё со студенческих лет и давно открыли друг другу свою ориентацию, поэтому Фу Синчжи выражения не выбирал:

— Парень выиграл генетический джекпот абсолютно по всем фронтам. Чертовски хорош, ссука.

Фу Синчжи спустился вниз, увлекая Хэ Мина за собой, и пристроился к торговым автоматам, изображая бурный интерес к выбору напитков.

В вестибюле набилась тьма народу — и парни, и девушки. Очередь к автомату застыла на месте, а из-за конторских перегородок то и дело выныривали любопытные головы, украдкой косясь в один и тот же угол.

Тогда Хэ Мин тоже скользнул взглядом по толпе, изображавшей бурную деятельность, и с первого же раза выхватил из неё Ши Яня.

Красивый юноша превратился в статного, породистого мужчину. Излишнее внимание его откровенно раздражало — на породистом лице залегла лёгкая тень досады.

Проходя мимо Хэ Мина, он потерял остатки терпения. Заметив в его руках буклет «Хэнши», который тот всё ещё машинально сжимал, Ши Янь повернулся к генеральному директору агентства и чеканно произнёс:

— У ваших сотрудников нет работы?

Одной этой фразы хватило, чтобы в глазах Фу Синчжи ослепительный красавец моментально превратился в бесполого капиталиста-эксплуататора.

— Тут дело нечисто, — подытожил Фу Синчжи, возвращая Хэ Мина из воспоминаний. — У него явно свои виды на тебя.

— И что он может от меня хотеть? — не принял тот всерьёз его подозрения.

— Логично. Активы компании «SL» вряд ли разжгут аппетит у президента Ши, который ворочает миллионами в минуту.

«Особенно учитывая, что наш босс скуп, как старый ростовщик», — мысленно добавил Фу

Синчжи.

Разговор о Ши Яне быстро ему наскучил. Его взгляд соскользнул в глубину зала, где юный официант разносил напитки по столикам.

— Твой парень? — спросил Хэ Мин.

— Пока нет, — Фу Синчжи открыто откармливал глазами симпатичного паренька. Расстёгнутый ворот его собственной рубашки обнажал ключицы и полоску груди, превращая весь его вид в откровенное приглашение без указания адресата.

Объект его внимания обладал точёными чертами лица, алой линией губ и чистой кожей. Слушая заказ клиента, юноша опускал глаза с таким кротким видом, будто отвечал у доски строгому преподавателю.

Хэ Мин неожиданно вспомнил Ши Яня, уснувшего в его машине, — те же опущенные ресницы, отбрасывавшие мягкие тени на скулы.

Контраст между маститым матёрым искусителем и чистым, непорочным студентом выходил слишком разительным. Хэ Мин вздохнул:

— Побойся бога.

— Ничего не могу с собой поделать, сердцу не прикажешь, — пожал плечами Фу Синчжи. — Если во всём себя ограничивать, то зачем вообще жить?

Он выразительно посмотрел на Хэ Мина, который только что отказался от предложения повторить коктейль. В представлении Фу Синчжи его друг являл собой ходячее воплощение скуки.

Он искренне верил, что Хэ Мин мечтает высечь на собственном надгробии девиз «Искорени страсти, следуй долгу». Иначе трудно было объяснить ту жесточайшую самодисциплину, которой тот подчинил каждую сферу своей жизни.

Сигареты и алкоголь для Хэ Мина являлись не более чем данью этикету. К газировкам и сладостям он не прикасался вовсе, изредка позволяя себе айс-американо, лишь когда требовалось встряхнуть мозги. Любые искушения и привязанности отлетали от него как от стены.

Материальные запросы стремились к нулю: никакой брендовой одежды, машина и квартира — базовой комплектации. Складывалось ощущение, что он родился с готовым дипломом мастера минимализма. И хотя он мог поддерживать разговор на любую тему — от раритетных виниловых пластинок до раскладов Таро и видеоигр, — сам по себе не питал страсти ни к чему.

Даже к сексу он оставался абсолютно равнодушен. За все годы их знакомства у него не появилось ни одного партнёра.

Фу Синчжи временами искренне подозревал, что Хэ Мин справляет нужду строго по секундомеру.

— Брат Синчжи, — подошёл к их столику симпатичный юноша, положив конец молчаливой дуэли гедониста и аскета.

Переводя взгляд с Фу Синчжи на Хэ Мина, он поставил на стол поднос с несколькими порциями картофеля фри в бамбуковых корзинках.

— Это твой друг? Я угощаю картошкой. Не поможете мне в одном деле?

— Ага. Его зовут Хэ Мин. Запомни: Хэ — как «поздравление», Мин — как «память». Оформи на его имя бутылку хорошего алкоголя, он оплатит, — с белозубой улыбкой помог парню выполнить план продаж Фу Синчжи, после чего представил новоиспечённого спонсора: — А это хозяин бара, господин Ши.

Фамилия Ши. У Хэ Мина внутри всё ёкнуло, а правое веко нервно зачесалось.

— Здравствуйте, брат Хэ Мин, — послушно поздоровался молоденький владелец заведения и показал QR-код. — Покупать ничего не надо! Вы не могли бы просто поставить мне оценку?

— О, у вас тут акция с отзывами? — Фу Синчжи сфотографировал код и подмигнул другу: — Давай, сканируй тоже.

Перейдя по ссылке, они увидели в шапке сайта крупный баннер:

[Рейтинг наследников Чанлиня]

Чуть ниже мелкими буквами шла пояснительная плашка:

[Данная система создана для повышения эффективности подбора партнёров для деловых браков. Для просмотра женской версии перейдите в раздел «Рейтинг принцесс Чанлиня»]

Кандидаты выстраивались в длинный список. Возле каждой фотографии красовались имя, статус, средний балл и количество проголосовавших, а снизу прилагался ёмкий цитатник из лучших комментариев.

Хэ Мин даже не успел поинтересоваться истоками этой бредовой платформы, как на самой

верхней строчке увидел Ши Яня.

На снимке тот катил за собой чемодан посреди пёстрой аэропортовой суеты и с холодным равнодушием смотрел прямо в объектив. На фоне шаблонных фоток на документы и постановочных кадров из соцсетей этот случайный кадр выглядел поразительно эффектно и свежо.

Количество проголосовавших — 1326 человек, что с огромным отрывом опережало средний показатель в пару сотен. Оценка: 5.2 из 10. А в поле краткой характеристики красовалось весьма замысловатое обозначение:

[Брат Льда и Пламени]

Кликнув на карточку, Хэ Мин открыл самый популярный комментарий, разжёвывающий суть прозвища:

[Три года подряд держит первенство в номинации «Идеал мажоров Чанлиня», и четыре года подряд — «Главный кошмар мажоров Чанлиня». Безоговорочный наследник Чанлиня — Брат Льда и Пламени.]

«... Что за ахинея?» — подумал Хэ Мин.

В остальных топовых отзывах творилась настоящая вакханалия из восхищения и желчи:

[У братца горячее тело, но ледяное лицо!]

[Незаменимый человек в летний зной: когда на улице +40, рядом с ним стабильные -4.]

[Мечта садиста, рай для мазохиста. Кто понял, тот понял.]

[Хе-хе, что он вообще забыл в рейтинге для сватовства? По-моему, ему человеческий род в принципе противен.]

«... Хотя и бред, а ведь попали в точку», — невольно согласился Хэ Мин.

Пролистав ниже, Хэ Мин наткнулся на шквал свежих высших оценок — сплошные 10 баллов по умолчанию. Лишь один отзыв выглядел хоть сколько-то развёрнутым:

[Отличный бар, хозяин милашка, угостил бесплатной картошкой]

В этот момент Ши Ан давал указания Фу Синчжи:

— Да не мне ставь, а моему брату!

Хэ Мин поднял взгляд и с трудом выдавил, обращаясь к Фу Синчжи:

— По-моему... у президента Ши был младший брат...

— О, брат Хэ Мин, ты тоже знаешь моего брата? Видел его? На самой верхушке страницы! — тут же включился Ши Ан. — Пожалуйста, поставь ему тоже десятку! Комментарий писать не обязательно!

Фу Синчжи положил глаз на младшего брата Ши Яня, а младший брат Ши Яня раздавал бесплатную картошку в собственном баре, чтобы накрутить рейтинг родственничку на каком-то идиотском сайте для поиска невест.

Определить, какая из этих двух новостей отдаёт большим абсурдом, казалось невозможным. Хэ Мин посмотрел на обоих и задал единственный вопрос, адресованный сразу двоим:

— Вам что, жить надоело?

<http://bllate.org/book/19927/1990619>